

Арабы, навьючивающие верблюда.
Миниатюра XIII в.

страшными слухами, доходившими до них со всех сторон, предпочитая смерть жизни, они падали духом и видели перед собой одно бесконечное рабство.

Х. Среди опасностей всякого рода в это бедственное время в Палестину стекались во множестве греки и латины по обету поклонения святым местам. Пройдя по неприятельской земле через тысячу смертей, они являлись к городским воротам, но не могли войти в них, не заплатив предварительно в виде подати одного золотого привратникам. Потеряв все на пути и едва успев сохранить жизнь, чтобы достигнуть желанной цели, они не имели чем заплатить подати. Вследствие того, тысячи пилигримов, собравшись в окрестностях города и ожидая возможности войти, доходили до совершенной наготы и погибали от голода и нищеты. Для несчастных же жителей города и живые, и мертвые составляли одинаково невыносимую тяжесть. С трудом могли они позаботиться о доставке припасов для живых; но им нужно было позаботиться и о погребении мертвых; все подобные труды превышали их силы. Получившие право входа за плату обращались еще в предмет величайших забот. Надобно было бояться, что, ходя без предосторожностей при посещении св. мест, они могут быть избиты, ослеплены и даже где-нибудь задушены. Заботясь о предупреждении таких несчастий

и воодушевленные братской любовью, иерусалимские граждане ходили постоянно за пилигримами, чтобы наблюдать за их безопасностью и защищать от нечаянных нападений. В городе был Амальфийский монастырь, *ныне* (в конце XII в.) называемый монастырем св. *Марии Латинской*, и рядом с ним гостеприимный дом (xenodochium) с небольшой молельней, основанный в честь блаженного Иоанна Элеймона, александрийского патриарха, и вверенный заботам аббата того монастыря. Несчастные странники получали там милостыню или от монастыря, или от щедрот верующих. Из тысячи пилигримов едва ли один мог сам удовлетворять своим нуждам, потому что они теряли все путевые запасы и с трудом спасали жизнь среди стольких опасностей и трудов. Таким образом, жители не имели покоя ни вне, ни дома, смерть угрожала им каждый день, и, что хуже всякой смерти, они падали под бременем невыносимого рабства. Наконец, к довершению всех этих бедствий, их церкви, охраняемые и возобновляемые не без труда, подвергались ежедневно жестоким нападениям. Во время богослужения неверные, наводя на христиан ужас своими криками и бешенством, вбегали неожиданно в храм, садились на алтари, не делая различия в местах, опрокидывали чаши, топтали ногами сосуды, посвященные служению Господу, ломали мрамор и наносили духовенству оскорбления и побои. С самим владыкой патриархом обращались как с лицом презренным и ничтожным, хватили его за бороду и волосы, свергали с престола и бросали на землю. Нередко они овладевали им и, таща его, как последнего раба, без всякой причины сажали в темницу, лишь бы тем огорчить народ, соболезновавший своему пастырю.

Таково было то жестокое рабство, которое приходилось испытывать народу Божьему в течение 490 лет, как я сказал выше. Он переносил все с благочестивым терпением, обращая к небу стоны и вздохи и присоединяя горячую молитву к Господу, прося его в своем милосердии пощадить тех, которые исправятся, и отклонить от них бич своего гнева. Так дошли они до крайних